

Исаакян Георгий

16.04.03.

ГЕОРГИЙ ИСААКЯН:

Кузбурса. - 2003. - 10-16 апр. - с. 16

Надеюсь, что Лолита приживется в Пермской обители

Одно из самых интригующих оперных событий в этом сезоне ожидается в Перми: труппа работает над постановкой "Лолиты" Родиона Щедрина, впервые увидевшей свет рампы девять лет назад в Стокгольме и с тех пор больше не ставившейся. Пермский театр только что с успехом выступил на гастролях в Германии, где показал свою знаменитую "Пиковую даму". Будучи проездом в Москве, главный режиссер Пермской оперы и режиссер-постановщик "Лолиты" Георгий ИСААКЯН дал интервью нашему корреспонденту.

— Георгий Георгиевич, Щедрин не удивился вашему отважному намерению поставить его "Лолиту"?

— Он сказал: "Мне кажется, вы не совсем отдаёте себе отчет в том, за что беретесь". Видимо, после того, как за "Лолиту" думали взяться, но так и не отважились, Мариинка и Большой театр, для него психологически эта история уже закончилась — на данном этапе, во всяком случае. А тут вдруг провинциальный театр выступает с такой инициативой. Но мы — провинциальный театр с большими традициями. Да и намерениями тоже. В общем, мне удалось его убедить. Родион Константинович поверил в наши силы, и надеюсь, что не напрасно.

— Что и говорить, проект весьма амбициозный. Но для того чтобы добиться успеха, надо еще проникнуться самим произведением. За что вы "Лолиту" полюбили?

— За то, что очень хороша собою. Не я сделал наблюдение, что этот роман Набокова — одно из ключевых произведений мировой литературы XX века. Чем обязан всем своим параметрам, в том числе — или в первую очередь — своему стилю. Набоков — это слова. Если не держать в голове все бесконечные аллюзии, мостики, которые построены между различными пассажами, различными ситуациями романа, игру, которую Набоков ведет с читателем и в которой так интересно принимать участие, теряется. "Лолиту" надо постоянно перелистывать вспять, возвращаясь к тем страницам, на которых уже побывал. Казалось бы, как вообще может прийти в голову написать оперу по такому насквозь "литературному" произведению? Вот уж самая что ни на есть амбициозная идея! И, конеч-

но, безумно увлекательная. Риск не преуспеть был очень велик. Но Щедрина, на мой взгляд, удалось одержать победу.

— В полном согласии с Набоковым?

— По-моему, да. Хотя все зависит от того, как вы смотрите на вещи. На оперу вообще можно смотреть пренебрежительно-снобистски, как поступают многие мои коллеги-режиссеры. (Впрочем, к счастью, сейчас эта ситуация меняется к лучшему.) Но тот, кто понимает, — тот знает и чувствует, что на самом деле опера — это высший тип театра, поскольку именно она способна вызывать сильнейшее эмоциональное потрясение. Благодаря музыке, конечно. Пушкин в опере — от Глинки до Кобекина — это уже не только Пушкин, это каждый раз еще и плюс нечто — нечто в виде Чайковского, Даргомыжского, того же Кобекина. Важно, чтобы пересеклись два крупных дарования, в этом залог и прочности нового произведения, и его способности вызывать сильные эмоции. У Щедрина получилась очень любопытная форма. Набоковская "Лолита" — словно бесконечно разворачивающийся сон, она построена как воспоминание. Гумберт Гумберт пытается разобраться в том, что произошло, раскручивая бесконечную цепь событий. Но, как бывает во сне, чем больше пытаешься разобраться, тем больше увязаешь. У Щедрина эта особенность романа очень точно схвачена. Но есть у него и кое-что, чего нет у Набокова, хотя сделано это опять-таки для того, чтобы передать дух набоковской "Лолиты". Например, появления Куильти даются "вспышками" — линейное повествование разрезается, как бритвой. Возникнове-

Г. Исаакян

нию такого эффекта способствует еще и то, что партия написана экстремальным способом: для очень высокого тенора. Что еще? Введен хор судей, комментирующий действие, подобно античному хору. А в финале — получается очень эффектная точка — все герои, и умершие, и живые, поют некую религиозную колыбельную песнь. Есть любопытный штрих и противоположного толка. Щедрин перекидывает мостик к сегодняшним реалиям, сталкивая два типа мышления, два времени, начало минувшего века и его конец, — естественно, тоже прежде всего стилистически. Каждый эпизод разыгрываемого сюжета имеет свою оппозицию — насмешку в попсовом духе. Своего рода рекламные перебивки.

— Объясняя в свое время, как ему пришла в голову мысль написать эту оперу, Щедрин говорил о том, что набоковский роман представляется ему очень музыкальным. Особенно его занимали реминисценции с "Кармен", которые там возникают. Разумеется, его воображению рисовался Бизе, а не Мери́ме, и трудно было отделаться от ощущения, что Набоков

подает некий знак лично ему... В вашей постановке эти параллели находят какое-то отражение?

— "Кармен" — на самом деле орешек ничуть не менее крепкий, чем "Лолита". И с ней театру еще предстоит разбираться. Надо осознать, как сформулировать этот культурный миф. Мне вот лично пока непонятно, о чем эта история.

— Щедрин сразу принял замысел постановки, который вы предложили? Вообще с ним легко было найти общий язык?

— У меня сложилось впечатление, что Родион Константинович — человек толерантный. Он не заикнулся на своем тексте. Например, с полным пониманием отнесся к необходимости сделать некоторые сокращения. Ведь им написано почти четыре часа чистой музыки, добавьте антракты — и вы получите спектакль, заканчивающийся за полночь. Для нашей публики это нереально. Разумеется, вы-

строенную им драматургию мы постарались сохранить максимально. Но главное, конечно, то, что мы с ним созвучны в своем отношении к набоковской "Лолите". Мы воспринимаем ее как романтическое, лирическое произведение, главный мотив которого — прощание с детством. Рассматривать чисто клинический случай, думаю, никому не было бы особенно интересно — ни самому Набокову, ни его интерпретаторам. В насилии над Лолитой материализовано то насилие, которое по мере его взросления совершает над человеком жизнь. Гумберт очарован детством. (Очарованный странник — почему бы и нет? Он, безусловно, всецело очарован, и большую часть своего романа, своего жизнеописания, пребывает в дороге. Дорога, кстати, станет ключевой метафорой сценографии нашего спектакля.) Другое дело, что все, что любит и к чему стремится этот странник, он разрушает. В этом

и заключается трагедия. Отголоски чистоты, теряющейся в процессе взросления, у Щедрина воплощены в детских хорах. Ангельские голоса поют церковные хоралы.

— Представьте, пожалуйста, вашу команду. Кажется, в процессе "взросления" спектакля она претерпела некоторые изменения?

— Если вы имеете в виду Ростроповича в качестве дирижера-постановщика, то с самого начала было понятно, что это не для нас. В отличие от самарского театра, где по инициативе маэстро была поставлена опера "Видения Иоанна Грозного", мы не обладаем необходимыми финансовыми ресурсами. Предполагалось, что оформит спектакль Дмитрий Черняков. Но человек предполагает, а Бог — сами знаете что... В итоге будем делать собственными силами. Дирижер-постановщик — главный дирижер нашего театра Валерий Платонов. Художник-постановщик — главный ху-

дожник Елена Соловьева. Вот костюмами будет заниматься "человек со стороны" — Татьяна Парфенова. Часть их и сошьем в ее модном доме в Петербурге. У нас есть прекрасные сопрано, способные справиться с партией Лолиты. Это наша Танечка Куинджи (мы по-прежнему считаем ее своей — раз в месяц она приезжает к нам из Москвы и поет по три-четыре спектакля) и недавние выпускницы Елена Шумкова (наш Институт искусств) и Айсуло Хасанова (Нижегородская консерватория). Замечательные басы — Гумберты — Валерий Тюменцев, наш человек, и Александр Агапов, тоже теперь наш человек, а до того, как им стать, в течение десяти лет служивший у Бориса Александровича Покровского. Что касается Куильти, один из них, Сергей Власов, уже достаточно хорошо известен, в том числе в Москве, он выступал в "Доне Паскуале", которого мы привозили на "Маску". Дмитрий Пономарев, уверен, тоже скоро будет замечен. Если я что-то понимаю в тенорах, у него должно быть большое будущее.

— Вы, конечно, изучили кассету с записью премьерной "Лолиты" в Шведской королевской опере? Как вам показался тот спектакль?

— Очень любопытная работа. Маэстро Ростропович, как всегда, вне конкуренции. И артисты поют прекрасно. Но... наблюдается некоторая стерильность во взаимоотношениях героев, вполне традиционная для средневекового театра. А я, как вы уже, конечно, поняли, считаю, что главное в опере — эмоция. Как мы справимся со своими эмоциями, все узнают уже очень скоро. Премьера намечена на 12 мая. И, думаю, уже после первого спектакля будет ясно, приживется ли "Лолита" в Пермской обители. Как бы там ни было, мы очень гордимся тем, что она пройдет в рамках грандиозного фестиваля "Дягилевские сезоны", который, как известно, охватит не только Санкт-Петербург и Париж, но и наш город.

Беседу вел
Наталья ШАДРИНА
Фото ИТАР-ТАСС

Пермский театр оперы и балета